

Янь Були, нервно теребя прядь волос, беспокойно сказал:

— Старший брат, прошло уже почти два часа. Если не разблокировать точки, он утонет!

Чи Юэ, медленно, как черепаха, подошёл к круглому столу, уставленному едой. С таким же неторопливым движением он взял миску, положил несколько кусочков сладко-кислого лотоса и протянул её белокожей красавице:

— Повар выбрал самые нежные побеги лотоса из пруда. Попробуй.

Янь Були был не в настроении есть. Он тут же встал и направился к двери.

Чи Юэ снова остановил его и наконец сказал:

— Точки разблокируются сами через пятнадцать минут. У твоей служанки неплохое дыхание, она, должно быть, умеет боевые искусства. Она не утонет за такое короткое время.

— Почему ты не сказал этого раньше!

Янь Були был в ярости. Значит, этот негодяй всё это время просто издевался над ним.

— Но пятнадцать минут уже прошли. Почему он до сих пор не вернулся?

Чи Юэ, поглаживая подбородок, ответил:

— Возможно, он действительно утонул.

Янь Були: ...

Теперь он понял, почему Цзян Мочоу выглядит как человек на грани депрессии. Если она не покончит с собой, то точно умрёт от раздражения этим Чи.

— Мочоу, эта служанка уже знает твою личность. Она может быть опасна для тебя. Лучше убить её.

Янь Були холодно усмехнулся:

— В твоих бесчеловечных глазах служанки не считаются людьми, да? Если с Хуа что-то случится, я тоже не выживу. Решай сам.

Чи Юэ моргнул, всё ещё привыкая к тому, что Янь Були называет себя «стариком».

Лэ Цяньцю говорил ему, что стимуляция Обращения Неба и Земли вспять может изменить характер человека, сделать его непохожим на себя. Но он не говорил, что пол тоже может измениться...

Это серьёзная проблема, даже серьёзнее, чем если бы Цзян Мочоу сошла с ума. Поэтому он с серьёзным взглядом посмотрел вниз.

Янь Були всё ещё был в гневе:

— Старый демон Чи, либо ты сразу убьёшь меня, либо отойди и дай мне спасти человека! Иначе я найду сто способов убить себя, а потом и тебя...

Не успел он закончить, как его шею сжали.

— Ты ещё собираешься убить себя? Как ты посмел...

Чи Юэ, держа его за тонкую шею, не прилагал усилий, но его лицо было холодным, как лёд, а тело излучало леденящий холод.

Янь Були был напуган.

Этот трюк с плачем, криками и угрозами самоубийства он научился у своей матери. На отца это всегда действовало. Почему же реакция Чи Юэ была такой... пугающей?

Затем он почувствовал, как рука Чи Юэ скользит вниз по его шее...

Янь Були снова испугался.

— Чёрт, куда ты лезешь?! Старый извращенец, что с тобой не так?..

Он начал отчаянно бороться в его объятиях. Чи Юэ, чувствуя головную боль, быстро нажал на точку, чтобы лишить его голоса. Мир наконец стал тихим.

Янь Були, широко раскрыв глаза, с ужасом смотрел на него, его связанные руки дрожали, словно ягнёнок, приготовленный к закланию.

Чи Юэ вдруг почувствовал жалость, и его демоническая рука замерла в воздухе.

Будучи демоном, стоящим на вершине мира, он десятки лет действовал по своей воле, не заботясь о чувствах других. Но теперь он научился колебаться и сдерживаться, только чтобы не причинить вреда человеку перед ним.

Вздыхнув, он уже собирался отпустить его, как вдруг раздался громкий стук — дверь Обители Гинкго была с силой распахнута!

Хуа Усинь, с растрёпанными волосами и в ярости, стоял на пороге:

— Ты, забывший о дружбе ради красоты, забывший, забывший... Чёрт, что вы тут делаете?!

Чи Юэ, не поднимая головы, махнул рукой, и дверь с грохотом захлопнулась.

Линь Цзыюй с ужасом наблюдал, как Хуа Усинь был отброшен дверью.

— Ты... ты в порядке?

Он поспешил помочь подняться упавшему.

Хуа Усинь, держась за нос, ругался:

— Чёрт возьми, старый демон Чи... Отпусти мою госпожу, пусть я сам разберусь!

— Тише, барышня, ты что, жизни не дорога?!

Линь Цзыюй хотел заткнуть ему рот носком, умоляя:

— Глава секты Чи не причинит вреда главе Цзян...

— Чёрт, он уже её трогает, и ты говоришь, что не причинит вреда?! Ещё немного, и они уже детей заведут!

Хуа Усинь, с кровью из носа и глазами, полными ярости, выглядел как демон.

Линь Цзыюй вздрогнул:

— Не может быть, ведь он же не способен...

Чи Юэ вчера избил его, но ничего не объяснил. Наверное, из-за гордости он не хотел

признавать это. Страдать от такой болезни — это несчастье, и, как мужчина, он мог это понять.

— Не способен? Кто не способен?

Хуа Усинь прищурился.

— Кхм, эм... ничего.

Хуа Усинь зловеще засмеялся, собрал всю свою энергию и крикнул в дверь:

— Старый демон Чи, если ты не можешь заниматься любовью, не мучай мою госпожу!

Его голос, подобный грому, разнёсся по всему лесу.

Звук разлетелся по ветру, дойдя до Лэ Цяньцю, сторожевых собак и даже муравьёв в Павильоне Ледяного Сердца.

— Твоя служанка просто чудо...

Чи Юэ, смеясь от ярости, крепче обнял человека в своих объятиях и произнёс:

— Долг слуги — платить хозяину, как насчёт этого?

Глядя на его глаза, полные огня, Янь Були почувствовал, как волосы на затылке встали дыбом. Он чуть не заплакал, проклиная Хуа Усиня в душе.

Жёлтые листья медленно падали с деревьев, а ветви гинкго, наполовину голые, растянулись над головой, создавая сеть, закрывающую небо.

Серебряный свет луны пробивался сквозь сеть ветвей, освещая небольшой двор.

Под деревом сидели два человека: один с кровью на лице, другой с синяками. Они выглядели как пара демона и призрака.

Линь Цзыюй, глядя на закрытую дверь, сказал:

— Хуа-гунян, может, подождёшь немного? Я схожу к сёстрам и возьму для тебя одежду.

— Не стоит беспокоиться, это всего лишь вода!

Хуа Усинь, размахивая мокрыми волосами, сказал:

— Когда-то я лазила по деревьям, ловила черепах в море, называла себя королевой цветов, белой змейёй в волнах... Апчхи!

Линь Цзыюй молча вытер лицо.

— Эм, извини...

Хуа Усинь смущённо сказал.

— Ты не должна так относиться к своему здоровью. Молодые девушки легко простужаются. Я приготовлю тебе лекарство от холода.

Линь Цзыюй, внимательно наблюдая за ним, всё ещё беспокоился.

Хуа Усинь почувствовал, что в его голове, должно быть, много воды, раз он находит это серьёзное, но разноцветное лицо немного милым.

Он махнул рукой:

— Всё в порядке, просто старость даёт о себе знать...

— Ты ещё молода, о какой старости речь?

Линь Цзыюй улыбнулся, показывая белые зубы.

— Я вижу, что ты смелая и свободная, не похожа на служанку из богатого дома. У тебя есть дух странствующего воина.

Хуа Усинь смущённо кашлянул:

— Эх, в молодости все немного бродяжничают. Но после долгих скитаний хочется найти хозяина и жить спокойно.

— Значит, ты действительно странствовала по миру. Я восхищаюсь твоим духом.

Линь Цзыюй вздохнул.

— Одним махом пронестись по миру с мечом и вином, делиться радостями и горестями с друзьями — я давно мечтал об этом.

— Это всё сказки пьяных рассказчиков! Какое там странствие? Просто кучка глупых детишек, которые дерутся. Какие там радости и горести? Все только и делают, что обманывают друг друга... В конце концов, кто-то умирает, а кто-то остаётся жить, но жизнь уже не та...

Его голос стал тише, и последние слова уже нельзя было разобрать.

Рука коснулась его лба.

— Ты действительно горячишь... Горячий, как печка. Ещё немного, и можно будет жарить яйца.

Линь Цзыюй вздохнул и помог ему подняться с каменного стола:

— Пойдём ко мне, выпьешь лекарство. Похоже, сегодня эта дверь не откроется.

— Нет!

Хуа Усинь оттолкнул его.

— Никаких звуков не слышно. Что они там делают?

Линь Цзыюй вздохнул. Что ты хочешь услышать?

Хуа Усинь, прищурившись, уставился на дверь, задумавшись.

Он даже не сопротивляется. Видимо, старый Янь действительно герой, ради своей миссии готов пожертвовать даже своей честью. Как трогательно... Лучше я не буду им мешать...

— Кх!

Созревший плод упал с ветки, точно попав ему в голову.

Хуа Усинь раздражённо поднял голову и увидел на высокой ветке белку с пушистым хвостом и яркой шубкой. Её маленькие круглые глаза были полны вызова.

<http://bllate.org/book/15303/1352337>